

Борис Голдовский

Записки кукольного завлита

Борис Павлович Голдовский

Записки кукольного завлита

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9380399

Записки кукольного завлита: Библиотека Театра Чудес; Москва; 1993

Аннотация

«Записки кукольного завлита» — книга, рассказывающая о малодоступном закулисе замкнутого мира профессионального театра кукол. Размышления о его прошлом, настоящем и будущем...

Содержание

Кукольный дом	4
Пьеса для пришельцев	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Борис Голдовский

Записки кукольного завлита

Кукольный дом (вместо предисловия)

Какая замысловатая постройка, не правда ли? Это не нора, не карточный домик. Строение прочное, хотя и несколько эфемерное. Представьте себе дворец, присутственное место и фанзу одновременно – получится наш «кукольный дом».

Подобное чудо архитектурной мысли в разных городах нашей необъятной Родины прекрасно сочетается с гастрономом, рестораном, управлением культуры... По сложившейся традиции кукол размещались у нас или в заброшенных храмах, или в бывших «номерках». В получившихся в результате симбиоза «публичных храмах искусства» деятели театра с одной стороны «обслуживали тружеников», с другой – «служили святому искусству». С какой стороны поглядеть.

Наш «кукольный дом» чем-то похож на известное здание, что на бывшей площади Дзержинского – «Детский мир». Внутри он гораздо больше, чем снаружи. Не верите? Пройдемте;

Вот парадный подъезд. По торжественным дням и «неделям» он украшен газетными заголовками: «Театр детской радости!», «Приходи сказка!..» и что-то в этом роде. Неподалеку от входа – пьедестал почета. Желающие могут бесплатно на нем постоять.

Теперь зайдем внутрь. Видите – длинный, до горизонта коридор. Слева и справа двери. За каждой что-то происходит: доброе, кукольное. Нет, нет!.. Эту дверь не открывайте. Здесь наш маленький террариум. Раньше тут был живой уголок, но рыбок, канареек, морских свинок уже не осталось. Выжили только пресмыкающиеся. Сюда заходить не стоит. Зато все остальные двери можем открыть смело.

Например, за этой солидной, обитой дермантином работают кукольные критики и театроведы. Приятно знаете ли, время от времени вспоминать о пользе нашей театроведческой профессии. Ну чтобы, спрашивается, делали без них драматурги, актеры, режиссеры, художники?... Просто гордость переполняет сердце, когда думаешь до каких немыслимых высот поднялась с их помощью кукольная драматургия, до каких рубежей дошел театр!

Иногда кажется, что дальше идти просто некуда. Но вот прочтешь новую пьесу, посмотришь спектакль и вдруг понимаешь – еще есть.

А вот за этой дверью заседает недавно организованная Лига свободных кукольников. Все-таки сбылась, наконец, мечта Эдуарда Успенского, который несколько лет назад предложил создать Кукольную партию Советского Союза (сокращенно КПСС). Прав был секретарь Успенского Анатолий Галилов: «Идеи Эдика живут и побеждают!»

На одной из дверей нашего Кукольного дома висит табличка «Лаборатория». Здесь рождаются и распространяются по театрам драматургические шедевры. Несомненный плюс лаборатории в том, что ничего секретного она не производит и окружающей среде вреда как будто не наносит. Здесь нет пробирок, реторт, осциллографов. Лишь изредка отсюда доносится стук молотка. Это куется перспективный репертуар театров кукол страны.

Дверей много – глаза разбегаются: «Артистическая», «Педагогическая» «Сценографическая», «Международная», «Режиссерская»... А вот и «Литературная часть». Сюда заходят многие, в том числе и Бродячие Сюжеты – своего рода литературные бомжи. Бродят они по свету, время от времени встречают на своем пути авторов, писателей, а потом идут дальше.

В результате – «Фауст», «Дон Жуан», «Золушка»... Есть и такие, которые никого не встречают. Бродят и все.

Зайдем сюда. Здесь сидит кукольный завлит и пописывает свои «записки».

Пьеса для пришельцев

А кому они нужны, эти «записки» завлита? Тем более кукольного, – возможно, спросит искушенный читатель. То ли дело – записки следователя, дневник мореплавателя или, положим, письма путешественника.

Но не будем торопиться с выводами, тем более что ваша профессия не менее, пожалуй, насыщена приключениями, встречами, открытиями, чем все вышеперечисленные. Во всяком случае, элемент поиска и авантюры в ней присутствует едва ли не в большем объеме, чем у штурманов колумбовых фрегатов, прокладывавших курс с помощью старого секстанта и мерцающих звезд.

В великом, но далеко не тихом театральном океане случаются и головокружительные погони за пьесами, и выезды на места Литературных происшествий, и перестрелки с флибустьерами от драматургии, и абордажные схватки во время художественных советов, и жажда найти своего автора, и изнурительный репертуарный голод, и миражи, и вечная наша театральная качка, и еще многое, многое другое...

Что же касается «кукольности», которая, вероятно, смутила вышедшего из кукольного возраста читателя, то здесь без лишних слов и ненужных оправданий сошлюсь на вполне авторитетное мнение Жорж Санд: «Нет... двух драматических искусств, есть только одно. Выведение кукол на сцену – акт, требующий столько же стараний и знаний, что и в случае подлинных актеров».

Начать это небольшое путешествие в кукольную драматургию можно с осмотра кабинета завлита. Вернее, его шкафа – жилища сотен разнообразных пьес. Пожалуй, о нем нужно рассказать особо. Тем более что его – многоуважаемый шкаф...

Он заслуживает уважения за свою мудрую, всепонимающую вместительность.

Ежегодно на его полки ложится множество новых пьес, а он еще далеко не полон.

Шкаф демократичен, не возражает, когда рядом с пьесами признанных мастеров появляются другие пьесы, авторы – которых только начинают свой литературный путь. Он знает, что если есть в новом жильце талант и правда, то постоянная прописка ему обеспечена. Если же не», то пьесу, завязав в кипу собратьев, обменяют когда-нибудь на макулатурный талон.

Это неизбежно.

Шкаф – оптимист. Он знает, что само время собирает в его чреве жемчужные зерна. Отделяет мысли от подделок, подлинники от копий... Шкафу хорошо – у него есть время. Завлиту много хуже. У него того времени мало. Достанем же связку ключей, распахнем его створки и заглянем.

Вот они, в папках-скоросшивателях стоят по алфавитному ранжиру. Завлиты драматургов! Вам и не снились, наверное, такие названия, как «Козел с портфелем», «Крокодил с секретом», «Волк в сапогах»... Однажды здесь даже стояла безбожно плохо написанная пьеса на атеистическую тему под названием «Христос за пазухой».

Полки с пьесами для завлита то же самое, что золотой каньон для старателя: кажется, что в промывочном лотке один лишь песок, аи нет – выплеснешь его и на дне увидишь вдруг золотые самородные камешки. Хотя, конечно, пустой породы здесь более чем достаточно. Она, как правило, залегаёт в пьесах-кормушках: «датских», «темских», короче – «нужных». Нужны они более всего учреждениям (для рапортов), театрам (для премий) и авторам (для жизни).

Вот они, написанные к датам и «на темы». Полистаем наугад. «Когда поют светофоры» – музыкальная пьеса-сказка в стихах. Адресат – маленький человек, который любит поиграть в куличики из песка либо, надевши непомерно большой ранец, идет по еще мало изученной дороге в школу. Что же, самое время «развлекая, поучать» его правилам дорожного

движения. Но давайте обратим внимание не на то, «когда поют светофоры», а на то, что они поют. А поют они пока следующее: «Пятью пять – двадцать пять. Вышел зайчик погулять. Но забыл, что красный свет – это значит: хода нет!.. Паф-штраф! Ай-ай-ай! Сиди дома, не гуляй!» И зайчишка от стыда покраснел – и навсегда. Красный заяц – очень жаль, но из басни сей мораль: помни правила движенья, как таблицу умноженья!»

Право же, трудно назвать эти рифмованные строчки стихами. Возможно, они и выполняют свою тематическую цель, но как художественное произведение могут вызвать только недоумение, а при повторном чтении появляются и «зайчики кровавые в глазах».

Чтобы не быть голословным, приведу еще одну выдержку из этой пьесы в стихах.

«Первый ведущий (в зал). Теперь вы убедились сами, что мальчик потому с ногами, что мальчик... мальчик с головой!

Третий ведущий. А потому здоровый и живой!»

Вот такой получился головоногий мальчик. И вся пьеса приобрела головоногий характер. Где голова – тема. Ноги – сюжет. Нет только туловища – литературного произведения.

Кстати, очень интересно наблюдать, как подобные сложносочиненные образы кочуют из пьесы в пьесу, не теряя своей первозданности. Например, «головоногий, живой и здоровый мальчик» из пьесы про поющие светофоры через несколько лет неожиданно появился и запел в пьесе «Приключения на улице» (имена авторов пьес не даю, так как от творческих неудач не застрахован никто):

«Не страшат меня дороги, Не пойду по ним пешком, Я хватаю в руки ноги, Покороче и бегом!»

Жаль, однако, что маленькие пешеходы учатся правилам дорожного движения на таком примере. Ведь пешеходов действительно нужно любить. А это значит – и писать для них нужно качественно, литературно. Без вульгаризмов типа: «Я бегу на пост ГАИ, У меня там все свои».

Как-то в одной из «темских» пьес кукольный завлит прочел следующие строки, предупреждающие детей против курения: «И дымят они, дымят, взрослым подражают. А подумать не хотят, что здоровье разрушают. Надо помнить: для ребят сигарета – это яд!»

Трудно не согласиться с таким доводом. Конечно же, сигареты – это яд, разрушающий здоровье. Но если мы в литературной форме взяли за охрану здоровья, то не должны забывать и об охране эстетического здоровья. Ведь такими стихами легко разрушить его. Любопытно, что, как только пьеса ограничивает свою тематику до одной малокровной мысли: «Не пейте сырой воды», она начинает страдать и литературно-драматургическим малокровием.

Это касается и «детских» пьес, наполненных чиновным пафосом, квасным патриотизмом и восклицательными знаками.

Между тем Человек – пожалуй, единственная тема, на которую можно написать пьесу. Все остальное – предлагаемые обстоятельства.

Вот еще одна пьеса с нечеловеческим содержанием – «Зайчик со спичками». (Театрам кукол хронически везет на «мальчиков» и «зайчиков». В одной из пьес «пожарного» про-филя, помню, действовал даже «мальчик-датчик»). В ней двенадцать действующих лиц, и всё они придуманы для того, чтобы высказать детям довольно простую мысль: «Не играйте со спичками».

Язык этой пьесы так красноречив, что просто хочется говорить цитатами:

«Пожарный...Замечательные дети. Чистенькие, причесанные... Все слушаются маму и папу и кушают манную кашу. Правда, ребята? И поэтому они заслужили сказку».

По ассоциации с этим текстом вспоминается фирменное блюдо, придуманное, кажется, Буратино, – «манная каша полам с малиновым вареньем». Эффектно, но ведь совершенно несъедобно! Как несъедобны и приторно-дидактические стихи песен этой пьесы:

«Скажу вам, мальчики, скажу вам, девочки, Со сцены пальчиком слегка грозя, Играйте в кубики, играйте в мячики, А вот со спичками играть нельзя!»

Ложность избранной автором позиции, со сцены пальчиком слегка грозящего дяди, определила в данном случае и литературную несостоятельность пьесы.

У одного известного писателя, речь о котором впереди, есть замечательная маленькая история под названием «Секрет жизни». Вот она:

«Средняя высота материков вчетверо меньше средней глубины океанов. Земля не стремится к высоте. Земля стремится к глубине. Для многих лишенных жизни планет – пример, достойный подражания».

Нужна ли кукольным пьесам глубина? Если относиться к их созданию с той мерой ответственности, которую они заслуживают, – просто необходима. С детьми можно и должно разговаривать как с равными. Иначе мы будем разговаривать с ними на разных языках. Правда, здесь есть и одна особенность. О ней писал в своей до сих пор не утратившей актуальности статье «Человек, уши которого заткнуты ватой» М. Горький: «Ребенок до десятилетнего возраста требует забав, и требование его биологически законно. Он хочет играть, он играет всем и познает окружающий его мир прежде всего и легче всего в игре, игрой».

Вот они, пьесы-игры, редкий, к сожалению, в вашей кукольной драматургии жанр.

Первая среди них – «Гусенок» Н. Гернет и Т. Гуревич. Загадочная пьеса! Более полувека она возглавляет списки наиболее репертуарных драматургических произведений для детей. Более полувека девочка пасет гусенка, а лиса хочет его съесть. Десять страниц внешне ничем особо не замечательного текста. Сюжет – элементарный. Количество персонажей – минимальное. А успех – колоссальный! В чем дело? Много лет назад я задал этот несколько бестактный вопрос автору – Нине Владимировне Гернет.

– Вы знаете, это и для меня загадка, – ответила она. – Свою первую игру я написала вместе с Даниилом Хармсом. Это было шуточное стихотворение. Я многому тогда научилась у Хармса. Жаль, что он мало переиздается и сегодняшние дети меньше знакомы с ним, чем со многими гораздо менее ценными поэтами. Стихи Хармса предельно музыкальны, образны, а главное – поэтичны. (Далеко не во всех написанных для детей стихах есть поэзия. Много просто зарифмованной прозы.) Но главное в них – безошибочное знание детской души, ее игровой стихии. Если хотите – «смеховой культуры». Хармс научил меня уважать детей и доверять им. Думаю, «Гусенок» пришелся театрам и зрителям ко двору потому, что мы здесь играли честно и «по правилам». Поверьте, дети не глупее нас. Может быть, наивнее. Но разве наивность – недостаток?..

Вскоре Нины Владимировны Гернет, пионера профессиональной детской драматургии, не стало. Одна из самых последних ее пьес – «Принтипрам», была посвящена Даниилу Хармсу.

Рядом с «Гусенком» на полке – «Бука» М. Супонина. Она написана только через четыре с лишним десятилетия после «Гусенка». Это тоже, думаю, настоящая и популярная пьеса-игра. Им обеим, вероятно, суждено долгие годы быть в списке наиболее репертуарных. Рядом с ними – десятки других. Но, как правило, похожих на диетические яйца: омлет изжарить можно, а цыплят не выведешь. Почему?

Да потому, что игра игре рознь. Вот, например, одна из эрзац-игр – «Огненная змейка». Герои этой зимней новогодней пьесы Зайка и Медвежонок случайно находят упавшие в снег белкины запасы – грибы. Думаете, они возвращают хозяйке ее зимние запасы? Ничего подобного. Поиграв ими в футбол, Зайка с Медвежонком начинают их делить, а когда возникает спор, кому сколько, на выручку зверятам приходит Снегурочка.

«Снегурочка. Не очень-то вы сильны в арифметике! Это же совсем просто. Каждому следует... (в зал) по сколько грибов, ребята? (После ответа.) Верно! По два гриба. (Передает их Зайке и Медвежонку)».

Да ничего не верно! Ничего им не следует! Потому что грибы-то чужие, а если этого не понимают ни Снегурочка, ни Зайка, ни Медвежонок, то хоть автор-то должен, наверное, понимать? Неужели он всерьез рекомендует делить чужие вещи, пусть потерянные? Остается надеяться, что дети в зрительном зале подскажут Снегурочке правила порядочности и чести.

Педагогика – наука пока достаточно темная. Особенно когда дело касается ее связи с практикой. В теории, казалось бы, все ясно – только выполняй рекомендации и сей разумное, доброе, вечное. «А включаешь – не работает!» Не сходятся концы с концами. Ставишь в пример отличника – берут пример с двоечника. Даешь полезные советы – их никто не слушает.

Помню одну историю, рассказанную драматургом Г. Остером. Он написал цикл стихов для детей (сейчас по ним пишется пьеса) «Вредные советы». Это действительно советы и действительно вредные. На все случаи жизни. Например, кулинарный совет: «Нужно в папины ботинки вылить мамины духи»... и т. д. Исходя из существующих представлений о воспитании, в издательстве эти советы к печати не приняли «за вредность».

Тогда автор прочел лучшие из «вредных советов» по Всесоюзному радио в передаче для детей и попросил прислать письма с мнениями: нужны такие стихи детям или нет.

– Получил я, – рассказывает Остер, – два мешка писем. Первый мешок – от взрослых. В основном письма сводились к тому, что по автору стихов давно плачут «административные меры».

Второй мешок – от детей. Здесь все наоборот. Дети просили «прислать вредные советы, потому что они очень смешные».

Так я сделал свое первое в жизни научное открытие: «Мы, взрослые, произошли от детей. И, кажется, ушли от них очень далеко. Так далеко, что перестали понимать своих предков. Может, стоит попробовать вернуться и понять того, кто много лет назад играл в салочки, бегал с уроков на «Тарзана» и мечтал иметь свою собаку.

Детским писателям, драматургам без этого «я – маленького» в душе работать просто нельзя. Он, детский автор, как матрешка, снаружи – взрослый, внутри – ребенок. Чуть соврешь – ребенок в тебе запротестует. Доверять детям нужно – вот что я вам скажу, товарищ «кукольный завлит».

Вот, кстати, на полках – пьесы Г. Остера. Уже много набралось. Самые репертуарные из них, пожалуй, «38 попугаев», «Котенок по имени Гав» и еще одна – «Клочки по заулочкам». По той самой сказке, помните? У Лисы была избушка ледяная, а у Зайца – лубяная... Пьеса эта написана совсем недавно, а премьеры в театрах уже одна за другой. Почему? Сколько уже было инсценировок этой сказки! В шкафу их восемь штук! А идет одна пьеса Остера. В чем причина? Впрочем, пусть это объяснит Г. Остер.

– Дело в том, что «Клочки по заулочкам» страшно современная сказка. Только ее невнимательно читали. Вспомните: выгнала Лиса Зайца, он уходит, встречает Волка, Быка, Медведя, каждый ему говорит: «Давай помогу!» А Заяц им в ответ: «Не поможете!..» И оказывается прав. Не верит Заяц в торжество справедливости, потому что привык к равнодушию, панически боится, что «полетят клочки по заулочкам», и заражает всех своим страхом. Вот об этом страхе, о равнодушии, о «клочках», а главное – о людях мне и хотелось написать. Причем, уверен, что не открыл Америки. Ведь когда-то эту сказку сочинили не просто так. В ней заложены острые социальные мотивы. Она говорит о несправедливости, о страхе не только Зайца, но даже всех сильных леса сего перед «клочками по заулочкам»! Я лишь восстановил социальную линию сказки – и она ожила. Стала современной, понятной, острой...

Действительно, когда читаешь «Клочки по заулочкам», удивляешься собственной слепоте. В сказке-то все про нас! Наступила весна, над нами закапало, все просыпается, в грязные лужи превратила оттепель ледяные дома, и старая, народная сказка, расколов сухую жесткую оболочку академического памятника, проросла живой, современной мыслью.

Факту появления в нашей кукольной драматургии Г. Остера мы во многом обязаны писателю Э. Успенскому. Это его школа.

В книге «Письма к ребенку» (кажется, тоже пока неопубликованной), написанной от имени «детского писателя и бывшего многострадального школьника», Успенский в конце каждого письма дает читателю совет. Страшно вредный, если не обладать чувством юмора. Поэтому людям без юмора читать эту книгу (да и всего Успенского) нельзя. В его пьесах пес Шарик рекомендует покупать мясо только в магазинах (там костей больше), мыши славят своего короля плакатом «Ура королю – вождю масс!», а дядюшка Ау (из привидений) убеждает друзей, что для хорошего дела кража денег из банка – не кража, а банковская операция.

Герои, читатели и зрители Успенского – люди серьезные. С чувством юмора. В начале семидесятых автор этих записок из кукольного дома, тоже считая себя человеком серьезным, не мог понять, зачем Успенский столько пишет пьес и прозы в стол? Тогда казалось, что этого никто никогда не поставит и не напечатает. Помню, он ответил: «Я пишу один, без цензора. Иначе не умею».

Он и сейчас так пишет. «Без цензора в голове». А мне, например, очень трудно сейчас и писать и работать, потому что приходится «выдавливать из себя раба», а это, сами знаете, не просто. И не только мне, думаю, многим моим коллегам тоже. Что же касается «манной каши с малиновым вареньем», то в нашей кукольной драматургии это пока наиболее распространенное блюдо. Его автор никогда ничем не рискует, кроме вкуса детей. «Минимальный риск».

Считается, что детям нравятся любые детские спектакли. Отчасти это так. Но лишь отчасти. Им нравится быть в театре, нравится, когда гаснет свет и раздвигается занавес, нравится театральный буфет и антракт, нравится аплодировать под ритмичную музыку финалов. А вот нравятся ли им сами спектакли, пьесы?

– Дети очень не любят «детские пьесы», не любят выставок детских рисунков и прочего «детского». Их интересуют серьезные вещи – космонавты, пираты, ковбои. Это открытие принадлежит уже не Г. Остеру, а Э. Успенскому.

Вероятно, писатель недалек от истины. Под «детскими пьесами» он подразумевает сусальные пьески, написанные на псевдодетском языке, которым ни один нормальный ребенок не говорил и говорить не будет. Это язык взрослых, навсегда забывших, от кого они произошли, и решивших заняться воспитанием неких абстрактных детей.

В потоке кукольных пьес заметна ориентация на «среднестатистического мальчика». Мол, воспитывать – так «коллектив». Стремление к воспитанию детского общества «по валу» у нас, театров и драматургов, пока совершенно неистребимое. Может, давайте попробуем воспитывать поштучно, имея в виду, что детское общество состоит из отдельных человеко-детей, с их языком, социальной средой, информированностью, интеллектом, конфликтами, проблемами, интересами...

Мы часто и охотно говорим о времени, своевременности и современности, но, к сожалению, иногда не учитываем ни того, ни другого, ни третьего, живем мерками многолетней давности и обижаемся, что нас не понимают. Не существует же детей «вообще», есть дети своего времени и своих родителей. В середине века дети были одни, в двухтысячном году, наверное, будут совершенно другие. А искусство воздействует на людей разных времен по-разному. Меняется ритм жизни, меняются люди, меняются куклы, меняется и драматургия. Мы живем в конце 80-х годов XX столетия – Наши дети в первом классе решают уравнения с неизвестными, в третьем – классе складывают и вычитают в уме шестизначные цифры, А наша кукольная драматургическая кухня кормит ребят всех возрастов провернутыми диетическими спектаклями с потусторонним содержанием.

Может быть, стоит задуматься над тем, что механизм воздействия пьес, спектаклей на аудиторию не так прост, как кажется: показал положительного героя, вывел на сцену злодея, дети посмотрели и решили: «Буду делать хорошо и не буду – плохо».

Приведу любопытное наблюдение того же Э. Успенского: «Много лет назад мы с А. Хайтом написали пьесу «Остров ученых». Ситуация там очень простая. На острове в океане живут ученые – бывшие школьные учителя. Это хорошие люди, изобретатели, гуманисты, практически без недостатков. Остров захватывают пираты – двоечники, хулиганы, оболтусы. Когда мы прочитали пьесу ребятам, то удивились, что злодеи-пираты почему-то нравились ребятам, а добряки-ученые не вызывали у них симпатий.

Тогда мы поменяли акценты. Положительным ученым дали некоторые недостатки. Отрицательным пиратам – кое-какие достоинства. И симпатии зрительного зала перешли на сторону ученых»...

Вероятно, в этом наблюдении есть рациональное зерно. Кто больше всего запоминается детям, скажем, в «Острове сокровищ»? Сильвер, Билли Боне. Кто менее всего? Можете назвать с ходу имена положительных героев «Острова»?.. Вот и я не могу.

Какие персонажи лучше всего получились в «Дяде Федоре, Псе и Коте»? Кот Матроскин, почтальон Печкин, пес Шарик. То есть, вполне живые характеры, со всячинкой. Стали бы Чебурашка, Крокодил Гена теми, кто они есть для наших ребят (и нас), если бы не имели нормальных земных недостатков? Вряд ли. А Робинзон? А Гулливер? А Буратино? Алиса? Винни-Пух?..

Значит, процесс эстетического, нравственного социального воздействия искусства на детей далеко не так прямолинеен, как мы, это себе представляем.

А представляем довольно примитивно (автор «Записок» и себя имеет в виду). Особенно это очевидно, когда читаешь 25–30 кукольных пьес в месяц. Сидя за этим занятием, невольно думаешь, что в тот день, когда творческие работники распределялись по ведомствам девяти муз, у кукольников был выездной спектакль, и они пришли к шапочному разбору. Ни Мельпомена, ни Терпсихора, ни Талия не стали покровительницами этого театра. Врио Музы театра кукол (а следовательно, и кукольных драматургов) оказалась пожилая, одинокая женщина с помелом. Проще говоря – Баба Яга. Она вдохновила не одного и не двух авторов на создание сказочных пьес. Среди них есть, кстати, и достойные: «Маленькая Баба Яга», «Баба Яга – против», «Моя бабушка – ведьма» и другие.

И все же часто случается так, что, когда в пьесе говорит Баба Яга, музы молчат. Много банальных поделок расцветает на ниве кукольной драмы. И для кукольников это настоящая драма!

Наш старейший драматург-сказочник Ефим Чеповецкий после просмотра очередной сказки «по мотивам» как-то произнес такую речь: «Говорят: сказка – достояние детей. Это неверно. Сказка – достояние стариков и детей, потому что сказки хранят старики: дедушки Мазаи, Арины Родионовны, седые академики-филологи, веселые сельские балагуры и мудрые городские пенсионеры... В этих сказках заключены вечные истины, основополагающие этические и эстетические идеалы. В этих истинах, как в хрустальных сказочных ларцах, хранится опыт многих человеческих жизней. Театр кукол – детский театр, он должен учить своих юных зрителей великой науке жизни».

Что же происходит с пережившими века классическими сказками в современном детском театре? Какими видят дети своих любимых «Курочку Рябу», «Колобка», «По щучьему велению», «Красную Шапочку» и т. д.? Их внешнее сценическое убранство стало не в пример роскошнее, богаче, они стали «певучими и плясучими», к ним повсеместно прилепились многозначительные, «философичные» прологи и эпилоги, они обросли сувенирной бутафорией. Но вот беда: ярко вспыхнув вначале, они, словно захлебнувшись в собственном «вели-

колепии», к середине сказки вянут, а к концу и вовсе скисают, не рассказав ничего нового, не поведав того главного, о чем говорила сама сказка.

В пьесах и спектаклях Бабы Яги летают на реактивных ступах, лихо отплясывают, поют в микрофон зонги. Сказки превращаются в самопародию! Здесь колобки-акселераты, например, запросто обводят вокруг пальца зубастых и клинически глупых волков, медведей, лис... А зачем? Чтобы доказать, что старая сказка потеряла всякий смысл? Так напишите новую!

Но оказывается – это очень трудно. Не всякий век может похвастать тем, что в нем появился хотя бы десяток настоящих сказок, пьес. Детский писатель-драматург – профессия сложная, и кроме таланта здесь еще многое нужно. В частности, знание законов драмы и умение применить их на деле. А значит – учиться нужно. Но, к сожалению, к кукольной драматургии чаще относятся как к какому-то легкому промыслу.

Я часто бываю на кукольных спектаклях для детей, где на сцене гремит электронная музыка, сказочные герои поют и веселятся, а в зрительном зале царит скука. В оправдание псевдосказок «по мотивам» сказано много всяких слов: «стилизация», «перестройка на мюзикл», «современное прочтение». Слова, слова, слова... Довольно слов! Отсутствие мудрости не скроешь за самыми новыми сценическими приемами. Отсутствие авторской мысли, гражданской позиции, литературную, драматургическую, режиссерскую неумелость не скроешь никакими «прочтениями».

Поэт К. Ковальджи в стихотворении «После полудня» очень метко, по-моему, объяснил эту несложную, в сущности, проблему:

«...И так повелось уж на свете
С тех пор, как стоит этот свет:
От чувства рождаются дети,
А от эрудиции – нет».

Дети – это не только возраст. Это и точка зрения. Как-то по дороге в детский сад мы с дочерью увидели на сером асфальте убитого голубя. Дочь попросила: «Папа, почини!» Пришлось пообещать (а что еще оставалось делать).

Вечером, когда мы возвращались, на том месте сидела целая стая сизарей. Родительский авторитет был спасен, но с тех пор посыпались просьбы «починить» недостроенные дома, срубленные деревья, разбитые коленки и прочее. «Чинил». Коленки со временем зажи-вали, дома достраивались, деревья выросли...

Сейчас, по старой памяти, хочу «починить» одно давнее воспоминание;

...Мы шли по улице Горького... На углу под глобусом здания Главного телеграфа, урча и фыркая, притормозило странное существо. Трехпалые клешни верхних конечностей сжимали руль. Из-под стального негнущегося пальто отливали бронзой сапоги-луноходы! Вместо головы был оранжево-яркий непрозрачный и абсолютно гладкий шар. Существо постояло, покрутило шаром, пискнуло, выпустило облако дыма и с грохотом тронулось.

...Мы шли по улице Горького и говорили о «Невском проспекте». Какая бы вышла замечательная кукольная пьеса! О жизни чиновничьих сюртучков и дамских шляпок. О фонарях, которые все показывают не в настоящем свете. И, может быть, о пришельцах-мотоциклистах, явившихся среди бела дня.

– Это не пришельцы, – сказал Феликс Кривин. – Это обыкновенные люди. Только в защитной одежде. Настоящих пришельцев мы не замечаем. А они вокруг нас. Чем-то похожи. Но совсем другие. Другие размеры, пропорции. Иначе видят, слышат, чувствуют, мыслят. И техника у них своя: сядут на палочку – и полетят куда угодно. И искусство свое, и литература. И фольклор свой, древнейший. И традиции. Даже архитектура...

И правда, на детской площадке пришельцы строили из песка какие-то сооружения, назначение «которых было нам непонятно. На лавочках, их сторожили земляне – взрослые.

А ведь у них, вероятно, и театр какой-то другой. Не тот, какой мы им предлагаем: встретились Зайчик с Белочкой, подружились, победили Волка, а в финале спели песенку-

мораль. Дешево и сердито. Какой же театр нужен пришельцам? Профессиональная детская драматургия – дитя XX века. По сравнению с мощным, двухтысячелетним древом взрослой драмы она – зеленый прутик. В ее активе нет еще ни своего Эсхила, ни Шекспира, ни Чехова. Иногда даже говорят, что ее самой тоже нет. Но это несправедливо. Есть пьесы С. Маршака, Евг. Шварца, С. Михалкова, С. Прокофьевой, И. Токмаковой, Г. Сапгира, В. Синакевича, В. Лифшица, Л. Устинова, Ю. Елисеева, и многих других. Детская кукольная драматургия существует. Она уже родилась, но на ноги еще не встала. У новорожденной колоссальные возможности для драматургического эксперимента над формой, сюжетом, ситуациями, характерами. Здесь нет еще багетовых рамок вековой традиции. Здесь выполнимы самые сумасшедшие, на первый взгляд, идеи, но кукольные драматурги (и театры) предпочитают пока плыть вдоль знакомых берегов «Большой драмы», послушно копировать ее, создавая маленькие детские драмки. Ничего, пройдет время, станем на ноги, изучим лоции и «уйдем в море» – где-то ведь есть она, кукольная Вест-Индия... (Туда уже направил свои странные пьесы «По зеленым холмам океана», «Гостиница для отъезжающих в прекрасное» писатель С. Козлов).

Но пока существует острый дефицит талантливой кукольной драматургии, приходится довольствоваться инсценировками и самодельными пьесами «по мотивам» (свято место пусто не бывает). Основной поток этих пьес пишется нами – малооплачиваемыми критиками и средней руки главными режиссерами. Причем давно.

В мае 1941 года Главное управление театров Комитета по делам искусств при СНК СССР в циркулярном письме к театрам констатировало: «Основной причиной наличия у нас довольно большого количества слабых, безликих, поверхностных пьес, добродетельных по своим тенденциям, но неинтересных в своём художественном воплощении, является тот факт, что создание пьес для театра кукол считается делом легким, не требующим особого мастерства, в частности, в области инсценирования. Поэтому за это дело часто берутся люди случайные; профессионально неподготовленные, без должной ответственности, нередко сами работники театров кукол – директора, актеры, режиссеры, педагоги, забывающие о том, что драматургия – это искусство, требующее таланта и больших знаний». Написано, как сегодня.

И я читал такие пьесы, во множестве видел их на сцене. Видел «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина в трактовке «охрана окружающей среды» (спектакль кончился термоядерным взрывом и гибелью цивилизации). Видел, «зонг-оперу» «Каштанка» с хорошими цирковыми номерами, но без Чехова и Каштанки. Видел «Стойкого оловянного солдатика» Андерсена с чудовищным текстом. Видел инсценированные шолоховские рассказы, сладкие как монпансье...

Десять-пятнадцать талантливых писателей, постоянно работающих ныне для театров кукол, не в состоянии в полной мере удовлетворить спрос 137 театров кукол страны. Колоссальное поле деятельности для писателя. Но распахивать его не торопятся. Почему? Потому что не престижно: ни славы, ни денег. Да и шершавое слово «специфика» отпугивает. А что такое «специфика кукольной драмы»? Честно говоря, не знаю. Иногда мне кажется, что этого не знает никто. То есть, что-то подобное, безусловно, существует, но оно все время видоизменяется, превращаясь в свою полную противоположность. Это нечто вроде Синей птицы, которую стоит лишь посадить в клетку теоретического правила, как она превращается в банального воробья. Сегодня «специфика» одна, завтра – совсем другая, послезавтра – третья. Видимо, наша специфика – это частный случай театральности.

Основной же поток серых кукольных пьес создается по другой «специфике». Рецепт несложен: «В кипящий сюжет положить мелко нарезанные репризы в масле, насыпать по возможности свежие трюки и варить на медленном огне до полного загустения. Перец, соль и сахар добавить по вкусу режиссера».

Но, позвольте, ведь театр кукол – не фабрика-кухня, и слова К. С. Станиславского о том, что «театр живет не блеском огней, роскошью декораций и костюмов, эффектными мизансценами, а идеями драматурга», относятся и к нашему виду искусства. Хотя бы потому, что оно – прежде всего Театр. Тем более если вспомнить, что именно искусство театра кукол начало формировать театральные-эстетические взгляды выдающегося реформатора сцены.

Если вспомнить... А ведь верно! Может быть, действительно стоит напомнить Писателю о тех людях, чей гений хранил и умножал славу театра кукол?

...Великий Сократ мог часами стоять перед кукольным балаганом, видя в нем, возможно, мотель окружающего мира. Увлекательные рассказы о кукольном искусстве можно найти у Геродота и Аристотеля, Апулея и Марка Аврелия, Горация и Ювенала. Тит Петроний, говоря о скульптурах Дедала, удивлялся не только их красоте и грации, но и способности двигаться посредством скрытого механизма. Карло Гоцци, так же как его вечный оппонент Гольдони (отец которого был владельцем театра марионеток), писал пьесы для кукольных представлений. При жизни авторов на кукольных сценах шли пьесы Шекспира, Мольера, Корнеля, Бен Джонсон написал для кукол комедию «Каждый в своем праве», а в пьесе «Варфоломеевская ярмарка» вывел в качестве главного героя реально существовавшего кукольника XVI века. Более ста пьес для театра кукол написал «японский Шекспир» Тикамацу. Лессаж подарил своим современникам «Точильщика любви» и «Пролог кучера-поэта», а Сервантес заставил своего рыцаря Печального Образа сражаться с героями традиционной испанской кукольной комедии. Эти главы романа послужили композитору де Фалля основой для написания оригинальной кукольной оперы.

Великий Гайдн в расцвете славы в 1762 году стал дирижером одного из театров кукол, где в качестве оркестрантов приглашались выдающиеся музыканты своего времени. Для этого театра им было написано несколько музыкальных пьес. Оперы Гайдна, Моцарта, Глюка, Россини, балеты Чайковского, Стравинского, «Кофейная кантата» Баха, оперетты Оффенбаха – вот далеко не полный перечень музыкальных произведений и поныне успешно идущих в театре кукол.

Старинное народное кукольное представление «Доктор Иоганнес Фауст», о которое Лессинг писал, что «замыслить его мог только шекспировский гений», явилось «виновником» появления бессмертной философской трагедии Гете. Хочется напомнить писателю, что судьба «Фауста», не столько исключение, сколько правило, ибо приблизительно так же возникли многочисленные варианты похождения Дон Жуана. Куклы активно помогали созданию «Эдды», «Махабхараты», «Рамаяны»...

Древние арабы говорили: «Что есть вселенная, как не театр теней», а Омар Хайям писал:

«Мы послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради слова.
Нас по сцене всевышний за ниточки водит,
И пихает в сундук, доведя до конца».

Дж. Свифт, критикуя современное ему общество, замечает: «Для того чтобы показать человеческую жизнь со всеми ее странностями, был изобретен кукольный спектакль». Кстати, в этих словах, как мне кажется, Писатель может найти один из краеугольных камней «специфики» театра кукол.

Последняя пьеса Б. Шоу, «Шекс протш Шо», была им написана для театра кукол. В предисловии к пьесе драматург отметил: «...я очень многому научился у самих кукол».

И разве только Шоу? Стендаль бросал свои книги, слышав звук рожка, которым хозяин театра марионеток созывал публику на представление. Жан-Жак Руссо с увлечением

сам делал куклы и писал для них пьесы. Вольтер восхищался приключениями Полишинеля. Гофман любил театр кукол за то, что деревянные артисты «не лгут и не претендуют быть кем-то другим, а не самими собой».

Русские революционеры-демократы, Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» увлеченно описывали спектакли русского народного Петрушки и писали для него пьесы. Ф. М. Достоевский в заметках о герое народного кукольного театра писал: «Какой характер, какой цельный и художественный характер! Как он доверчив, как он весел и прямодушен, как он не хочет верить злу и обману, как быстро гневается и бросается на несправедливость». Кто знает, не увидел ли писатель в балаганной петрушечной комедии образ трагического балагана окружающего его общества?

«И кто не согласится, что из всех тайн, раскрытие которых наиболее интересует человеческое существование, «тайна куклы» есть самая существенная, самая захватывающая?» Слова эти принадлежат М. Салтыкову-Щедрину, мастеру сатирического гротеска.

Возможно, Писателя заинтересует и тот факт, что первые пьесы – Метерлинка «Там, внутри», «Смерть Тентажиля», «Аладин и Паламид» – были написаны специально для театра кукол.

Можно бесконечно долго говорить о влиянии искусства театра кукол на таких писателей, как Филдинг, Теккереи, Нодье, Беранже, Диккенс, Андерсен, Клейст... Можно вспомнить кукольный «Театр друзей», организованный Жорж Санд и ее сыном Морисом. Можно рассказать о том, как перед самым началом фашистского переворота в Испании для кукол была написана пьеса «Балаганчик дона Кристобаля» Ф. Гарсиа Лорки, который не уставал повторять, что «кукольный театр – это выражение души народа». Можно напомнить, что Максим Горький был участником создания Первого Московского театра кукол – «Театра Детской книги», что с театром кукол связаны имена Алексея Толстого, Григория Козинцева, Сергея Юткевича, Ильи Эренбурга, руководившего после революции школьной секцией ТЕО, С. Маршака, одного из первых завлитов Ленинградского театра кукол под руководством Е. Деммени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.